

Настоящие и мнимые привилегии иноземцев в России при Петре I

О.К. Ермакова

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация*

Известно, что в эпоху петровских преобразований значительно возросло количество иностранцев, проживавших в России. Зарубежные специалисты оказались востребованы в самых разных сферах деятельности – от кораблестроения и военного дела до искусства, науки и просвещения. Основой для приема на службу иноземцев являлся письменный контракт. Договоры фиксировали основной набор прав и обязательств наемных специалистов. Кроме того, общие условия пребывания иностранцев в России были закреплены в соответствующих законодательных актах. В целом, согласно правовым нормам петровской эпохи, положение иноземцев становится более привилегированным, свободным и мобильным, по сравнению с XVII столетием. В то же время, на практике иностранцам часто приходилось сталкиваться с ущемлением прав, нарушением договоров российской стороной, а также невозможностью возвращения на родину даже после завершения контрактов. В статье на конкретных примерах показано, в какой степени иноземец мог рассчитывать на претворение в жизнь дарованных ему привилегий, какие из них оказывались реальными, а какие – мнимыми.

Ключевые слова: иноземцы в России, иностранные специалисты, контракт, эпоха Петра I, договор, актовое источниковедение.

Для цитирования: Ермакова О.К. Настоящие и мнимые привилегии иноземцев в России при Петре I // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С. 113–121.

Распространенным (и далеко не безосновательным) представлением, бытовавшим среди западноевропейцев во второй половине XVII в., было мнение о плохом обращении с приезжими иноземцами в Московском государстве. От идеи отправиться на службу русскому царю многих иностранцев отпугивали известные им истории о том, как их соотечественников не отпускали на родину и, вообще, фактически загоняли в кабалу. Петру I и его агентам пришлось принять ряд мер, чтобы преодолеть препятствие в виде психологического барьера из страхов и недоверия иностранных специалистов, которых государь стремился привлечь в Россию для реализации преобразований. В результате, в первой четверти XVIII в. произошли существенные изменения социально-правового статуса наемных зарубежных специалистов. В то же время, сохранение некоторых прежних практик и, в целом, отношение к личности иноземца свидетель-

ствовали о том, что иностранцы в этот период еще вынуждены были сталкиваться со многими трудностями, оказываясь на российской службе.

Принципиальные изменения правового положения иностранных подданных в России зафиксированы в законодательстве. Оставляя за скобками общие нормативные акты об иноземцах, обратимся к документам, непосредственно фиксировавшим условия пребывания, права и обязанности наемных специалистов – контрактам. При Петре I главным основанием найма иностранцев на русскую службу становится письменный договор. Само по себе это обстоятельство уже свидетельствовало о том, что социально-правовое положение иноземцев вышло на качественно новый уровень с точки зрения юридических основ и гарантий. Другой вопрос – насколько в реальности исполнялись контракты. Очевидно, что представления контрагентов о правовой силе договоров существенно отличались.

Следует оговориться, что в ходе найма иноземцев в период петровского царствования письменный контракт еще не всегда оказывался первичен. Сохранялась практика приезда по личному приглашению российских резидентов за рубежом, сделанному в устной форме. Большую роль играли патрон-клиентские связи¹. При этом, устная договоренность на данном этапе, как правило, предусматривала дальнейшее заключение письменного контракта. Однако, такие переговоры обычно не отличались особенной конкретизацией условий работы. Прием иноземца на службу считался состоявшимся по факту выхода соответствующего указа государя, согласно которому давалось распоряжение об установлении жалования, оговоренного в контракте.

Надо заметить, что даже наличие договора не гарантировало успешного устройства на службу. Показателен пример польского майора Георга Дитриха фон Путкамера. Российский посол в Копенгагене А. Измайлов заключил с иноземцем письменный договор и обещал принять Путкамера майором. Но при этом дипломат пояснил, что если в таком чине иностранца не примут, то ему будет компенсирован обратный проезд из России. Таким образом, даже подписанный договор фактически вступал в силу только с момента издания царского указа. Кстати, в случае с майором Путкамером проблем не возникло: по указу Петра I в феврале 1703 г. последовало принятие его на службу и назначение жалования [13, л.4 об.].

¹ Например, Франсуа Лефорт выступал патроном для ряда иноземцев (в том числе, его родственников), стремившихся поступить на русскую службу. К. Вермер в 1697 г. писал Ф. Лефорту о своем желании «в его царского величества службу итить» и спрашивал: «Нет ли случая о моей [К. Вермера. – *Е.О.*] малой особе исходатайствовать?». Дальний родственник Ф. Лефорта, писатель И. Троншен просил за своего племянника Теллюссона, который уже был принят на русскую службу: «Прошу у Вас милости оказать ему свою протекцию, и когда представится случай, продвинуть его, как Вы это делали в отношении других, которым оказывали милости» [26, с. 220, 305].

Аналогичные условия А. Измайлов оговорил с англичанином, капитаном Яковом Рамзаем [14, л.1–2об.].

В контрактах нашли отражение как законодательные нормы в отношении иностранцев, так и частные условия службы конкретных специалистов. Анализ преломлений законодательных установок в текстах соглашений приближает к пониманию практической реализации узаконений, а также отсылает к реконструкции социально-правового статуса иностранца. Основные содержательные блоки договоров освещали следующий круг вопросов. Прежде всего, фиксировался характер установленных отношений, определялся чин или специальность, разъяснялись должностные обязанности иноземца. Ключевое место занимали статьи о вознаграждениях и компенсациях: жаловании, оплате путевых издержек, поощрениях за обучение местных учеников и переработки, предоставление казенных квартир или места под строительство домов. В ряде договоров рассмотрены вопросы о действиях российской стороны в случае, если приглашенный иноземец по пути следования к месту службы окажется в плену (иностранца выкупали за казенный счет или же возмещали ему расходы, если он тратил на откуп собственные средства). Специальные пункты давали разрешение иностранцам привезти с собой из-за границы помощников, а также необходимые инструменты и материалы. Оговаривались права на выполнение дополнительных работ помимо государственного заказа и продажу собственных изделий. Прописывались меры по обеспечению семейства иноземца, гарантировалась свобода вероисповедания, а также освобождение от податей и повинностей. Договор, как правило, завершался условиями окончания службы и отъезда специалиста из России [См., например: 9, л.1 об.–2 об.; 11, л.1–2; 15, л.2–5; 16, л.6 об.–8; 19, л.1–2 об.; 20, л.1–2; 21, л.33–39].

Анализируя дарованные иноземцам ключевые привилегии, наиболее очевидной из них и неоспоримой в плане практического воплощения представляется обещанная в Манифесте 1702 г. свобода вероисповедания [5]. Конфессиональная принадлежность к иной церкви являлась мощным фактором, затруднявшим условия пребывания иноземцев в Московском государстве в допетровскую эпоху. Теперь же иностранцы получали право на отправление веры по собственным обрядам, а также на строительство храмов. Гарантия свободы вероисповедания закреплялась в контрактах с приглашенными специалистами [16, л.6 об.–7 об.; 18, л.2 об.; 21, л.39; 22, л.1–5об.], а случаев нарушения данной нормы в источниках не встречается. Кроме того, Посланием Святейшего Синода 1721 г. утверждалось право православных христиан вступать в браки с иноверцами [6]. Такой шаг был сделан в ответ на обращение Берг-коллегии в связи с тем, что поступившие на русскую службу по горному делу шведские пленные женились на русских девушках, но «за разность веры» у многих из них жен отняли и отдали «в супружество» другим. Поскольку шведы высоко ценились в качестве работников на горных промыслах и рудниках, Берг-коллегия пола-

гала целесообразным просить Синода о разрешении шведам заключать браки с православными женщинами. В конечном итоге, принятый законодательный акт явился дополнительным фактором, способствовавшим привлечению и удержанию в России «нужных» иноземцев вообще, а не только специалистов металлургического профиля.

Содержание контрактов во многом определялось требованиями самих иностранцев. Заметным нововведением стало изменение формы вознаграждения специалистов. Жалование и другие поощрения стали выплачиваться не в натуральном, а в денежном эквиваленте. Иностранцев не устраивали выдачи в виде продуктов и вещей, что активно практиковалось в XVII в. Поэтому гарантия получения заработных плат в деньгах являлась одним из важных условий при вербовке, наряду с предоставлением авансов на проезд к месту службы [3, с.41]. Действительно, договоры конца XVII – первой четверти XVIII в. уже подразумевают исключительно денежное жалование (а также выплаты за выезд, обучение казенных учеников, переработки и т.п.) Например, живописцу Караваку по договору 1715 г. назначалось годовое жалование в 500 руб. [21, л.36 об.], архитектору Леблону, заключившему контракт в 1716 г., полагалось 5000 руб., из которых 2000 руб. он получал в Париже в качестве аванса [22, л.1].

Добившись требуемой формы выплаты жалования, иноземцы не избавились от проблем, связанных с вознаграждением за службу. Напротив, выдачу положенных по контрактам денег порой приходилось ждать месяцами. В сочинении английского инженера Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе» (1716 г.) подробно описаны испытания, с которыми пришлось столкнуться иностранцу, лично приглашенному царем на русскую службу в 1698 г. По словам англичанина, он не получал полного жалования в течение нескольких лет, ему выдавались только небольшие суммы «на пропитание». Перри обвинял в нечестности и невыполнении обещаний по выдаче денег некоторых «российских вельмож». В частности, у него случился конфликт с Б.А. Голицыным. Лишь незадолго до Прутского похода англичанин добился получения немногим больше годового жалования [4, с.2–15]. Другой квалифицированный иноземец – придворный медик Николай Бидлоо, в 1703 г. подавал челобитную о том, что большая часть из его жалования (а также, «запасу и лошадей») «против посольского договору» в срок не выдана [9, л.3–4 об.].

Об отсутствии прибавочного жалования сообщал донесением в Сенат в 1712 г. горный офицер, работавший на Урале, бергмейстер Иоганн Блиер. Он также указывал на то, что многие «горные люди» не получают заработных плат, отчего оказываются в весьма затруднительном положении, страдают от множества долгов и оказываются разорены. Собственно, иностранным мастерам из команды самого И. Блиера не выдавалось жалование, положенное по договорам. Например, в донесении горного мастера Иоганна Гана значилось: «А для чего за вышеписанные заслуженные годы Его Царского Величества жалованья ему не дано, и на Москве он удержан,

и к делу никуда был не послан, и в свою Саксонскую землю не отпущен, того он не ведает» [23, л.43, 46, 52 об.]. Не всегда вовремя получал денежное содержание другой горный чиновник – Иоганн Готфрид Гейденрейх (служивший в России с 1722 г. на Олонецких и уральских заводах). Показательна реакция Берг-коллегии на претензии бергмейстера Гейденрейха, когда он в 1731 г. требовал отпуска в отечество и отстаивал свои права по контракту. Часть жалоб иноземца удовлетворили, но на требование выплатить «ростовые деньги» за то, что он не получал своевременно жалование, Берг-коллегия ответила отказом. Аргументом послужило утверждение о том, что в России трудится немало иностранцев, и часто случается, что жалование им в срок не выдается. Однако, никто не просит за это дополнительных компенсаций [24, л.80].

Проезд специалистов к месту работы в России не во всех случаях обеспечивался казной. Так, в 1702 г. доктор Глюсинг в расспросе показал, что принявший его в службу в Берлине посол Андрей Измайлов «на дорогу ничего не дал», и иноземцу с женой и детьми пришлось ехать до Москвы своим коштом. Правда, по свидетельству дипломата, искусный медик выехал на службу царю «без договору и постановления» и был «доволен» только обещанием А. Измайлова о назначении ему жалования «1000 ефимков в год да 200 на дорогу» [10, л.3]. В марте 1703 г. Глюсинг вновь подавал челобитную о том, что посол Измайлов не выполнил обещания возместить «проезжие харчи». К тому же, и жалования ему до сих пор не дано. Дело завершилось распоряжением главы Посольского приказа Ф.А. Головина о выплате Глюсингу положенных денег с указанием конкретных сумм [10, л.7–11]. Схожие распоряжения о выдаче недоплаченного жалования «нововыезжему» фельдмаршалу Огилви были даны в 1704 г. Хотя нельзя считать иноземного офицера полностью обманутым, поскольку по прибытии в Москву он получил определенное количество денег [12, л.2–6]. Впрочем, неисполнение финансовых обязательств российской казной не носило тотального характера. Например, монетный мастер Бекер без всяких затруднений получил при отъезде из Вены в Москву полугодное жалование и деньги на проезд [7, л.10 об., 13 об.].

Наряду с длительным ожиданием жалования, серьезные трудности состояли в перемещении наемных специалистов внутри страны, а главное – еще не была окончательно решена проблема свободного возвращения на родину. В предшествующий период вернуться в отечество для иноземцев оказывалось практически невозможным. С началом петровских преобразований вопрос отпуска иностранцев на родину пересматривается. Манифест 1702 г. даровал зарубежным специалистам право отъезда из России по завершении условленного срока службы. Контракты нередко предусматривали не просто возможность выезда, но и пособия для покрытия дорожных издержек. Например, в договоре с прусским врачом Бресциусом право отъезда на родину по окончании контракта сформулировано следующим образом: «Аще для противного воздуха, или иных вин сверх

трех лет на Москве царского величества в службе пребыть не похочу, и мне дан будет волной отъезд, как и приезд с отвозом всего моего имения» [16, л.7 об.]. Формально иноземцы были абсолютно свободны в передвижениях за границу по окончании договоров. Однако, практика показывала иное. Тех, кто не проявил должного искусства или же выполнил необходимые работы и оказывался не нужен на русской службе, беспрепятственно отпускали за пределы государства. Более того, известны даже примеры отправки неподходящих мастеров на родину вскоре после их прибытия. Иначе обстояло дело с квалифицированными и востребованными специалистами. Таковых могли под различными предлогами удерживать в России в течение длительного времени. К примеру, инженер Ламот де Шампи в 1703 г. собирался уехать из Москвы и даже получил отпуск, но вскоре ему поступило указание не выезжать из государства. В итоге, иностранец остался в Москве, жил на ссуды от своих приятелей, а казенных денег на пропитание не получал, и иных доходов не имел практически на протяжении года. В конце концов, когда он подал челобитную государю, его отправили для дальнейшей службы в Смоленск [17, л.1–7].

Монетный мастер Филипп Бекер в августе 1711 г. испрашивал отпуск на родину, т.к. год его службы (по контракту 1710 г.) закончился. Иностранец просил выдать ему жалование и грамоту на свободный проезд. Судя по отложившимся в архиве Посольского приказа документам, содержащим расчеты сумм, подлежащих выдаче Бекеру, препятствий его отъезду не чинилось. Тем не менее, по факту, в марте 1712 г. иноземец еще находился в России [7, л.15–16 об.]. В целом, несмотря на примеры нарушения договоров, отпуск иноземцев на родину не являлся исключением. Так, в 1701 г. датчанин Христиан Адлер получил проезжую грамоту для отъезда в отечество [8, л.1–4].

Несмотря на возникавшие сложности, иноземцы приезжали на русскую службу, а по окончании сроков контрактов заключали новые. Показательно, что процедура продления договоров, действительно, работала. С одной стороны, для российских администраторов эпохи Петра I контракт еще в большей степени воспринимался как формальность и средство «заполучить» нужного специалиста (тогда как иноземцам договор представлялся реальной гарантией прав и юридической защитой). С другой – стремление удержать необходимых иностранцев заставляло следовать практике найма именно по контрактам. Надо полагать, детализирование должностных обязанностей контракторов давало своеобразные гарантии российской стороне в том, что иноземцы исполняют условия договора, или же соглашение можно будет справедливо расторгнуть. Тем более, что существовала практика расспроса выезжающих на родину иностранцев о том, довольны ли они пребыванием на русской службе и не имеют ли претензий [25, л.326–326 об.]. Прилагались усилия к тому, чтобы иноземцы транслировали своим соотечественникам благоприятные впечатления и не

отговаривали потенциальных иммигрантов, полезных государю, от выезда в Россию.

В качестве примера можно привести контракт с машинными мастерами Фридрихом Кондратом и Иоганном Георгом Кейзерами, нанятыми на уральские заводы в 1722 г. В преамбуле содержится указание на то, что это не первый договор с иностранцами: «в Государственной Берг-коллегии в Москве <...> в следующем *вновь договорились* [Выделено мной. – Е.О.]» [2, л.213]. Братья Кейзеры обязывались служить еще 4 года «при рудокопных и плавильных заводах». Им следовало прилагать все свое искусство при изготовлении разного рода машин и обучать соответствующим навыкам русских учеников, а при случае – других мастеров на заводах. По истечении двух лет данные иноземцам казенные ученики должны быть в состоянии самостоятельно выполнять работы. Уточнялось, что учеников иностранцам следует поручить таких, «которые б от природы не весьма слабы были». Кейзерам назначалось жалование по 208 руб. на треть года каждому, дополнительно по 70 руб. за подготовку учеников, а также бесплатная квартира и дрова для отопления. В случае введения мастерами на заводах каких-либо технических новшеств полагалось выплачивать им материальное поощрение. По истечении срока договора (если не захотят заключить новый), надлежало выдать иноземцам по их прошению паспорт для свободного проезда в Германию и прогонные деньги до Риги [2, л.213–214].

С другим иноземцем – Иоганном Гелвигом также в 1722 г. «учинили вновь контракт» на 4 года. Иностранец нанимался служить на плавильных заводах фарлауфером [2, л.211] («подносчик угля и руды» [1, с.66]). Кроме того, на Гелвига возлагались обязанности переводчика «между иностранными офицерами и русскими плавильными учениками и работниками». Иноземец получал бесплатную квартиру и дрова. Если же Гелвиг покажет отменное искусство и удостоится «доброго свидетельства и рекомендации» Сибирского обер-бергамта, то получит прибавочное жалование. По прошествии четырех лет, если иноземец более служить не захочет, ему будет дан паспорт для свободного возвращения в Германию [2, л.211–211 об.].

Массовое привлечение иностранных специалистов в Россию эпохи Петра I обусловило появление новых законодательных норм в отношении иноземцев и активное развитие практики найма по контрактам. Благодаря источниковедческому анализу богатого массива актового материала становится очевидным, что социально-правовой статус иностранцев претерпел существенные изменения, по сравнению с ситуацией предшествующего столетия. Трансформации статуса наемных зарубежных специалистов без сомнения можно считать благоприятными для иноземцев. Свобода вероисповедания, повышение мобильности, упрощение процедур въезда в Россию и отъезда на родину, заключение письменных договоров – все это кардинально меняло положение иностранцев. На практи-

ке ряд прав и привилегий, обозначенных в контрактах, еще нередко оставались «мнимыми», в результате чего иноземцы оказывались в затруднительном материальном положении или же не имели возможности вернуться в отечество. Несмотря на это, приглашение иноземцев на службу по контрактам при Петре I стало важнейшим этапом в развитии договорных отношений между российским государством и частными лицами – иностранными специалистами.

Источники и литература

1. Голованова Е.И. Немецкие заимствования в горнозаводской терминологии Урала (XVIII в.) // Гуманитарный вектор. 2011. №4(28). С.61–66.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп.1. Д.10.
3. Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. 800 с.
4. *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе / Пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1871. 196 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I-е (ПСЗРИ-I). Т.4. №1910. Манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания».
6. ПСЗРИ-I. Т.6. №3814.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.150. Оп.1. 1701 г. Д.4.
8. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1701 г. Д.6.
9. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1702 г. Д.3.
10. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1702 г. Д.18.
11. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1702 г. Д.30.
12. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1702 г. Д.39.
13. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1703 г. Д.6.
14. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1703 г. Д.7.
15. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1703 г. Д.12.
16. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1703 г. Д.24.
17. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1703 г. Д.31.
18. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1704 г. Д.15.
19. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1710 г. Д.7.
20. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1710 г. Д.8.
21. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1715 г. Д.1.
22. РГАДА. Ф.150. Оп.1. 1716 г. Д.3.
23. РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн. 13.
24. РГАДА. Ф.271. Оп.1. Кн. 1.
25. РГАДА. Ф.271. Оп.1. Кн. 197.
26. Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М.: «Древлехранилище», 2006. 568 с.

Real and imaginary privileges of foreigners
in Russia under Peter I

O.K. Ermakova

*Institute of History and Archeology,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation*

It is known that during the Peter's transformations the foreigners living in Russia has significantly increased in numbers. Foreign specialists were in demand in various spheres: shipbuilding, military affairs, art, science and education. Foreigners was recruited according of written contract which fixed the basic rights and obligations of employees. In addition, the general rules for the foreigners in Russia have been fixed in relevant legislation. Generally, according to the legal norms, the position of foreigners becomes more privileged, free and mobile at Peter's time, comparing to the 17th century. At the same time, in practice, foreigners often had to face infringement of rights, violation of treaties by the Russian side, they also wasn't able to return homeland even after the completion of contracts. The article shows in what extent the foreigner could realize the privileges granted to him, which of them was real and which is only imaginary.

Keywords: foreigners in Russia, foreign specialists, contract, epoch of Peter the Great, contracts, source analysis.

For citation: Ermakova O.K. Real and imaginary privileges of foreigners in Russia under Peter I. / From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region. 2022. vol. 12, no 4, pp. 113–121. (In Russian)

Информация об авторе:

Ермакова Ольга Константиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Российская Федерация); e-mail: ermakovaok@mail.ru

Yermakova Olga Konstantinovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).